

Житийный образ Ефросинии Полоцкой и способы его современной беллетризации

Богданович И.Э. Белорусский государственный университет

Житийный образ Ефросинии Полоцкой, известный нам благодаря памятнику древней литературы «Повесть жития и преставления святыя и блаженныя и преподобныя Еуфросинии, игуменьи монастыря Святаго Спаса и Пречистыя Ею Матере, ижи в Полотысьце граде» (Книга 1994, 25), имеет канонические черты и отражает путь святости первой просветительницы Беларуси в период её земной жизни. Созданный еще в конце XII века, памятник по праву считается шедевром отечественной агиографии. Сохранилось довольно много изученных учеными списков и редакций «Жития...», самые ранние из которых датируются XVI веком.

Ефросиния, в миру до пострига Предислава, происходила из славной княжеской династии полоцких князей Рогволодовичей; в ее генеалогическом древе имена легендарной Рогнеды и Владимира, их правнука Всеслава Чародея, внучкой которого в свою очередь и была сама Ефросиния. Участь дочери-княжны младшего из сыновей великого князя была бы достаточно банальна даже для своего времени и осталась бы неизвестной для истории – замужество с каким-либо из удельных князей, рождение детей, светско-обывательская жизнь с ее семейно-хозяйственными заботами в княжеском тереме... Всё это было бы именно так, если бы не неординарность характера юной княжны, сумевшей для себя определить и понять, что *«вся видимая міра сего красна суть и славна, но вскоре минуютъ яко сонъ, или цвѣтъ увядаеть; вечная же, невидимая, въ веки пребываютъ...»* (Житіе 1888, 27). Ее отказ от устроенной семейно-бытовой жизни и осознанный уход в 12-ти летнем возрасте в монастырь стал первым подвижническим событием на пути к просветительству, духовному возрождению своего Отечества и святости. «Житие...» отражает деятельность Ефросинии – сначала послушницы, а вскоре игуменьи, перечисляет ее славные дела-подвиги во имя славы Божией и процветания родной земли. А это – и организация школ, где осуществлялось обучение грамоте и христианским основам жизни; и создание скриптория, где переписыванием, а возможно, и переводом, умножались привезенные издалека книги – редкость и сокровище того времени; это и забота об устройстве и расширении духовной жизни, что означало построение церквей, открытие монастырей, постриг новых сестер и братьев, вдохновленных примером самой Ефросинии и желающих «делати» Богу. Именно обо всем этом Ефросиния неизменно и успешно радела.

При этом, конечно же, играло свою существенную роль ее княжеское происхождение, что обеспечивало немалые материальные возможности для такого рода деятельности, поскольку требовались огромные средства на содержание монастырей, школ и скриптория, на заказ и доставку икон и книг, на постройку церкви и создание уникального креста. Стоит, видимо, отметить, что для всего этого требовался и недюжинный организаторский талант, который весьма зримо, но при этом отнюдь не тщеславно, дополнял духовную и просветительскую деятельность Ефросинии. Заключительным

событием – истинным подвигом ее христианской жизни – стало паломничество в Иерусалим, где она достойно встретила свою смерть, соединившую ее с Богом. Художественные краски «Жития...» наполнены любовью к личности Ефросинии, благоговением перед нею, перед ее духовной крепостью, дарованной от Бога мудростью и силой привлекать к себе сердца. Сила слова «Жития...», как и немеркнущая слава духовного подвижничества Ефросинии во имя любви к Богу, людям и Отчизне, такова, что сердца многих поколений людей в Беларуси вот уже почти тысячу лет обращены к своей святой, а она сияет нам всем во истину «яко луча солнечныя», продолжая просвещать и одухотворять, наполнять радостью и софийной мудростью родную землю и новые поколения ее обитателей.

Именно поэтому так привлекает образ Ефросинии белорусских поэтов и писателей, которые хотят осмыслить в современной художественной форме личность и деятельность первой просветительницы и святой Беларуси. Ей посвящены довольно многочисленные стихотворения и произведения прозы. В начале XX века, в связи с перенесением мощей святой Ефросинии в Полоцк, в «Виленском Календаре на 1911 простой год» были опубликованы несколько стихотворений на эту тему на русском языке, в которых хвалебный, ликующий тон сочетался с перечислением заслуг святой, с подчеркиванием той роли, какую она играла и играет в духовном возрождении Полоцка и всей Беларуси. Так, в стихотворении «На перенесение св. мощей княжны Евфросинии» автор П. Батурич делал акцент именно на том новом духовном «трепете», которым наполнилась жизнь в связи с возвращением мощей святой Ефросинии на родину: *«Въ умиленьи встрепенулась // Наша бедная страна. // И Русь Белая проснулась // Отъ томительнаго сна; // Людъ убогий, слабый, серый, // Направляется къ Двине // Съ кроткимъ сердцем, чистой верой // И мольбой къ святой Княжне...»* (Виленский 1910, 68). Второй автор, Е.Н. Миллер, в стихотворении «Предъ теткой игуменьей съ жаркой мольбой...» сделал поэтический экскурс в «житийную» биографию княжны-монахини, перечислив ее ключевые моменты от пострига до того, как «теломъ княжна опочила», а в заключительной части также отметил важность возвращения святых мощей Ефросинии, которое воспринимается как символический знак духовного возрождения народа: *«Те годы прошли и вернулась опять // Въ обитель родную святая, // Своею молитвой, какъ детище мать, // Отъ бедствій ее охраняя. // И весь Белорусскій страдалецъ народъ, // За веру борець неустанный, // Получитъ въ угоднице твердый оплотъ, // Так долго съ надеждою жданный...»* (Виленский 1910, 80).

Особенно активизировались художественные поиски авторов в плане воплощения образа Ефросинии в 1980-2000-е годы на волне обновления и возрастания национального самосознания. Первопроходцем здесь была Ольга Ипатова, опубликовавшая в журнале «Маладосць» («Молодость», 1971, № 12) повесть «Прадыслава» («Предислава»), впоследствии неоднократно переиздававшуюся. На наш взгляд, в современных способах беллетризации образа Ефросинии Полоцкой можно выделить две определяющие модели.

Первая – это художественная **рекуперация** (от лат. *recipero* – *вновь обретать, воспроизводить, восстанавливать*), или такое воспроизведение образа, при котором основной акцент делается на *гlorификации* (прославлении) героя и *реверенции* (благоговении) перед ним. Этот способ в основном характерен для поэтических текстов (ему соответствуют и два выше упомянутых произведения), при этом авторы обычно занимаются перечислением заслуг своего персонажа, интерпретируют известные из «Жития...» факты биографии, дают им эмоциональную оценку, прославляя таким образом путь святости героя и подчеркивая бессмертие его образа для последующих эпох и поколений. Главное здесь – восхваление и новое освящение образа. Это как бы вновь воскресший и вновь обретенный образ, призванный приподнять и одухотворить новую современность – безмерно греховную, «падшую», разучившуюся любить Бога и ближнего, служить и жертвовать, страдать и укрепляться духовно через милосердие и сострадание.

Образ, созданный на основе *рекуперации*, в определенном смысле (как это было характерно для стиля монументального историзма) «геральдический», или представленный в своих наиболее важных жизненных эпизодах на пути к святости; здесь нет ничего случайного, лишнего, «частного», потому что это образец для всех, – как тогда, так и, еще более, **во** все последующие времена и эпохи! Мы же, – представители последующих эпох, – когда касаемся *святого*, не «как будто», а «на самом деле», – *освящаемся* от его святости, и таким способом обретаем новое дыхание жизни, приобщение к тайне бессмертия. Поэтому неиссякаемо желание обратиться к такому образу: оно присуще литературе на данном этапе и будет возвращать к себе творческие устремление все новых авторов.

Примерами удачной поэтической *рекуперации* образа могут служить стихотворение Ларисы Гениуш «Ефрасіння Полацкая», опубликованное в ее книге «На чабары настоена» (Минск, 1982), и поэтический цикл Дануты Бичель-Загнетовой «Ефрасіння Полацкая», опубликованный в журнале «Беларусь» (1988, № 1). Первое стихотворение наполнено прославлением святой, отказавшейся от мирской суеты и традиционной женской доли, снискавшей славу «деланием Богу», принесшей свет духовной культуры и письменность в родной край, «обрекшей» на бессмертие перед вечностью не только себя, но и, согласно писательской версии, – свой народ, выросший из исторической колыбели Двины и Полоцка: *«Мінуласць ляжыць надмагільным вянком // над тымі, што ў смерці застылі, // ззяе святлом праз цемру вякоў // святое імя Ефрасінні. <...> Адчула: народ не ўчора паўстаў. // Не заўтра канец нам прысудзяць. // З мінуўшчыны слаўных падзеяў і спраў // мы ёсць. // Мы былі. // Мы будзем»* (Геніюш 1982, 29-30). Не это ли глубоко патриотическое, связанное с жертвенным восприятием нового этапа национального возрождения стихотворение, вдохновило и Владимира Короткевича на его пассионарное утверждение в одном из последних стихов: «Быў. Ёсць. Буду!» (1984).

Не без влияния Ларисы Гениуш, но тем не менее глубоко по-своему, были написаны и шесть стихотворений “Ефросиньевского” цикла Дануты

Бичель-Загнетовой: “Прадслава” (“Предслава»), “Самаадрачэнне” (“Самоотречение”), “Жанчына з мячом” (“Женщина с мечом”), “Спас” (“Спас”), “Крыж” (“Крест”), “Натхняльніца” (“Вдохновительница”). Поэтесса представляет главные “житийные” события в своей эмоциональной тональности, придавая им важные для нашего времени акценты. Глорификация (прославление) образа Ефросинии тут всецело “работает” на патриотическую идею возрождения, на преодоление трудного пути национального упадка, так не содружного с немеркнувшей славой святой, представляющейся даже “женщиной с мечом”, когда “ў небяспецы Радзіма” (“в опосности Родина”). Фрагмент “Спас” этого цикла посвящен построению Спасо-Ефросиньевской церкви в Полоцке, где сейчас и покоятся мощи святой. *“На разумным каменні // непарушину храмiну стварыла. // Непарушны будынак // ад ветру, агню і вады – // вышай людскага цуду, // шэдэўр пекнаты”*, – именно так описала автор знаменитую церковь (Бичэль 1988, 10). А чудо ее создания было увековечено в скупых словах “Жития...”: *“И по семь блаженная Евфросинія заложи церковь каменну святаго Спаса, и оть начатка доспе за 30 недель”* (Житіе 1888, 33). Художественный взор поэтессы обращен к современности, и поэтому здесь нет упоминаний о зодчем Иване, *“приставнику надъ делатели церковными”*, к которому *“прихождаше многажды гласъ, <...>, глагола”* пойти *“на дело вседержителя Спаса”* (Житіе 1888, 33). Однако здесь есть важный акцент на той жизненной силе, которая, будучи освящена деятельностью Ефросинии, спасает белорусский народ от исторической смерти даже в самые критические моменты его национального бытия: *“Нават сумная песня – // не плач на жывым чалавеку. // Тут былі беларусы. // Ёсць і будуць. // Іх мова спрадвеку. // На працягу стагоддзяў // абвяргаюць, знішчаюць прымусы. // На працягу стагоддзяў свабодна, высока // растуць беларусы!”* (Бичэль 1988, 10).

Вторую модель современной беллетризации образа Ефросинии Полоцкой (равно как и иного исторического персонажа) мы называем художественной **реконструкцией, или апокрифизацией**. Эта модель более присуща прозе, и она “работает” по так называемому “апокрифическому” принципу. Что это значит? Ответ на этот вопрос станет ясен, если мы вспомним, как и почему создавались древние апокрифы. “Соблазн” их создания заключался в том, что как ветхозаветные, так и новозаветные тексты многое “не договаривали”, содержали только “самые главные места”, без деталей и подробностей, о которых всегда радела узнать читающая, интеллектуальная публика даже самых далеких эпох. Канонические биографии Иисуса Христа, Девы Марии, Апостолов, а позже Святых имели множество таинственных мест, “пропускали” многие моменты детства, юности и зрелости своих героев. Как же было их не “дофантазировать”, не “реконструировать”, сообразно со своим собственным жизненным опытом и представлениями!? Апокрифические сюжеты не разрушали святости образов, но тем не менее делали их более доступными для понимания и дальнейшего, более сильного в эмоциональном смысле, “возлюбления”. Образ становился

доступнее в чертах “земной биографии”, а потому более влиятельным могло быть его воздействие на умы так называемых “посполитых” (“гражданских”) людей своей эпохи. Подчеркнем, что именно “своей эпохи”, ибо это, как маркер, может отличить книгу “вечную” от книги “актуальной”! Апокрифы были как раз книгами “актуальными” и весьма интересными, познавательными в контексте своего времени – как памятники литературы и общественной мысли. Они были “литературным процессом” своего времени и, как таковые, важны и актуальны для последующих эпох.

Нечто подобное можем мы сказать и о современной белорусской художественной прозе, посвященной Ефросинии. Это своего рода “новые апокрифы”, имеющие своей целью пролить свет на “затемненные” места биографии святой. Какие же это места? Во-первых, прошлое Ефросинии: ее ранняя юность с присущей этому возрасту влюбленностью и, возможно, более поздние любовные эпизоды, сообразно фантазии и личному опыту авторов. Отсюда вытекает та очевидная тенденция, что любовные мотивы так или иначе становятся доминирующим двигателем сюжета во всех современных прозаических произведениях, посвященных Ефросинии: в повести Ольги Ипатовой “Прадыслава” (“Предислава”), в романе Таисии Бондар “Спакуса” (“Искушение”), а так же в романе-житии Валентины Ковтун “Пакліканья” (“Призванные”).

Разнятся однако подходы писательниц к теме. В повести Ольги Ипатовой мы становимся свидетелями светлых романтических картин взаимной любви княжны-христианки, будущей игуменьи и святой, к смердужычнику Роману; она находится в плену мечтательных искушений, непозволительных княжеской дочери, преодолевает их силою духа; на фоне этой любовной коллизии в книге звучит тема исторического преодоления язычества христианством (Ипатова 1997). Таисия Бондар создает мрачные, насильственные картины “любви”, связанные с судьбой вымышленной героини Евки, но трагизм ее женского унижения пьяной дружиной во главе с бывшим возлюбленным Званом переживает мистическим образом сама игуменья в своих снах (Бондар 1989). Новое в “эротизации” образа Валентиной Ковтун связано с тем, что в ее интерпретации юная княжна становится вдовой еще до брака, ибо ее избранник – земной жених князь Доброслав, оказался убитым на глазах невесты “снайперской” стрелой соперника (Коўтун 2007).

Таким образом, в представленных интерпретациях образ главной героини, Ефросинии (Предиславы) Полоцкой, имеет конфликтную основу внутри самой себя – определенное “двоедушие”, связанное с борьбой двух начал. Это символическая “борьба” Предиславы и Ефросинии, то есть “эроса” (чувственной любви) и “агапы” (возвышенной, божественной любви) во внутреннем мире самой героини. Иными словами, это борьба-противостояние женского, плотско-земного, и личностного, книжно-небесного. В этом противостоянии заключается основное “апокрифическое откровение” современных беллетристических интерпретаций образа Ефросинии Полоцкой, способствующих его “обмирщению”, то есть

популяризаторскому восприятию на уровне бытового сознания. Но этим не исчерпываются возможности *реконструкции* образа.

Во-вторых, простор для писательской фантазии открывается в самой конкретике игуменской деятельности Ефросинии: это и акты милосердия, благотворительности, за которыми может быть увидена непростая реальная жизнь обывателей древнего Полоцкого княжества; это и созидательно-просветительская деятельность княжны-монахини, воссозданная в живых и поучительных картинах, пусть себе и с вымышленными героями; это и фактическое каждодневное служение – духовное пасторство “овец” – чад Божиих, которым необходимо было донести воссиянный свет Правды о вочеловечивании Бога, о Его крестном страдании и Воскресении из мертвых. Более всего таких “апокрифических” (авторских) находок в романе-житии Валентины Ковтун “Пакликаныя”.

Наконец, в-третьих, художественным домыслам и, соответственно, апокрифической *реконструкции* подвергается заключительное событие жизни святой – ее паломничество в Святую Землю. Именно это событие стало обрамляющей сюжетной канвой в произведении Валентины Ковтун: она попыталась полностью реконструировать путешествие как с учетом фактологических деталей, так и в психологическом плане.

Наиболее привлекательной и популярной с точки зрения ориентации на вкусы публики остается, конечно же, для современного писателя первая, “эротическая”, версия внутри второй, “апокрифической”, *реконструктивной* модели. Такому приоритету в свое время способствовала и целенаправленная атеизация общества на протяжении практически всего XX века. Путь апокрифической беллетризации в этой связи проходил, как уже говорилось, по линии “обмирщения” образа, а поэтому в нем выделялись откровенно земные, даже греховные устремления, связанные с жизнью “плоти”. Сущность образа сводилась к понятным бытовым проблемам и характеристикам. Духовные аспекты деятельности Ефросинии оставались, как правило, за рамками беллетристических сюжетов в силу их “малодоступности” для понимания “оземленным” человеком конца XX века. Говоря об “оземленности”, мы имеем в виду не просто “адамическую” (“греховную”) природу человека, но его “атеистическую” (“безбожную”) “прекультивированность”, когда понятие “греха” упраздняется как таковое. Этот вывод хорошо иллюстрируют слова, сказанные одним из героев произведения Таисии Бондар: “Все мы до пояса люди. И кто будет смотреть фильм, в котором героиня только переписывает старые книги и рассуждает про свой род?...” (Бондар 1989, 6). Понятие “до пояса” в этом контексте с очевидностью подразумевало нижнюю часть человеческого тела.

В самом способе апокрифической *реконструкции* образа можно также выделить два принципа: 1) **событийный** и 2) **мотивационный**. Если первый отвечает на вопрос, *что* произошло, то второй – *почему* произошло? Согласно первому, воссоздаются те или иные эпизоды жизни святой, как правило, вымышленные, но исторически или психологически в той или иной степени оправданные. Сюда можем отнести выше отмеченные любовные

эпизоды, которые могут, кстати, уводить в *мотивационное* поле, отвечая на вопрос *почему?* Например, почему Предислава выбрала уход в монастырь? Таким образом, второй принцип воссоздает психологически мотивированные версии тех или иных уже известных из “Жития...” событий в жизни Ефросинии. Не будем при этом, однако, забывать, что речь идет *только о художественных версиях данного исторического образа*, а не о реальной исторической личности! Как мы уже отметили, способ апокрифической *реконструкции* более присущ прозе, но встречается и в поэзии. Примером может служить стихотворение Любови Тарасюк “Ефрасіння: XII ст.” (“Ефросиния: XII век”) из цикла “Маналогі стагоддзяў” (“Монологи столетий”). В этом произведении мы наблюдаем именно *мотивационную реконструкцию образа* на основе внутреннего монолога героини. Это один из поэтических “ответов” на вопрос, почему юная княжна ушла в монастырь: “Гандлюючы сабой з уласнай чэсцю згодна, // Няўжо мне быць рабой для памнажэння роду? // <...> // Я знаю, што зраблю перад судом суровым: // Я славу зберагу, я прынясу ім Слова!” (Тарасюк 1983, 30).

Таким образом, проанализировав современные художественные произведения, посвященные Ефросинии Полоцкой, мы выделили два ключевых способа беллетризации образа: 1) рекуперацию и 2) реконструкцию (ситуационную и мотивационную). Первый способ, более характерный для поэзии, подразумевает *реверенцию* (благоговение) и *гlorификацию* образа в том числе и с целью определенной *сакрализации* (освящения) современной жизни, внесения в нее высокого духовного присутствия “агапической” любви. Второй способ, характерный для современных произведений прозы, в значительной степени (но не целиком) связан с “обмирщением” и “эротизацией” образа для того, чтобы сделать его более близким и понятным людям второй половины XX века.

Литература:

- Бічэль-Загнетава Д. Ефрасіння Полацкая // Беларусь. – 1988. – № 1. – С.10-11.
- Бондар Т. Спакуса. Раман. – Мінск: Юнацтва, 1989. – 398 с.
- Виленскій Календарь на 1911 простой годъ. Прибавленіе. – [Вильно, 1910]. – 188 с.
- Геніюш Л. На чабары настоена. Лірыка. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1982. – 143 с.
- Житіе преподобныя Евфросиніи княжны полотскія (По тремъ редакціямъ). – Витебскъ: Изданіе А.Сапунова, 1888. – 58 с.
- Іпатава В. Прадыслава. Аповесці і апавяданні. – Мінск: Беларусь, 1997. – 272 с.
- Кніга жыццй і хаджэнняў / Уклад., прадм. і камент. А.Мельнікава. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1994. – 503 с.
- Коўтун В. Пакліканыя. Раман-жыццё. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2007. – 247 с.
- Тарасюк Л. Смага ракі. Вершы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1983. – 54 с.